
СПЕЦВЫПУСК АЛЬМАНАХА
«ТВОРЧЕСТВО И ПОТЕНЦИАЛ»

ВЕЧНЫЙ ОГОНЬ

Альманах
Валерия Богданова
Вечный огонь.
Спецвыпуск альманаха
«Творчество и потенциал»
Серия «Альманах современной
литературы «Творчество и потенциал»»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74226196
ISBN 978-5-908132-35-0

Аннотация

Перед вами книга, в которой боль, мужество, любовь и память соединяются в живую правду о войне. В ней оживают голоса памяти: фронтовые судьбы, боль утрат, мужество солдат, слёзы матерей, детство, опалённое войной, и тихая гордость потомков, хранящих правду о Победе. В сборник вошли стихи, рассказы, эссе и воспоминания современных авторов, для которых тема войны – не далёкая история, а живая часть семейной и народной памяти. Эта книга создана для того, чтобы память не остывала. Она адресована всем, кто хочет не просто вспомнить о войне, а сердцем прикоснуться к её человеческой правде.

Содержание

Нина Анацкая	5
Тайна старого портфеля	7
Галина Белякова	37
Дети войны. Эссе	39
Грачи к нам прилетели	59
Вениамин Бычковский	64
Смотри в глаза	66
Стон местечка	73
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Вечный огонь:
спецвыпуск альманаха
«Творчество и потенциал»
Валерия Богданова

© Издательство «Четыре», 2026

* * *

Нина Анацкая

Родилась в посёлке Мылва Республики Коми. В 10 лет переехала к бабушке и дедушке в Москву. После их смерти вернулась в родной посёлок. Вышла замуж, родила двоих детей. Сын Сергей прошёл Афганистан, очень трудно возвращался к послевоенной жизни, и в 40 лет его не стало. Муж погиб в автокатастрофе. Пережив трагедии, Нина нашла утешение в работе и в общении с природой. Неожиданно для себя начала писать стихи. В 2023 году заняла первое место на конкурсе ко Дню Победы со стихотворением «Мамина молитва». В 2024 году вышел авторский сборник «Сделай

шаг, и дорога откроется тебе». Стихи автора опубликованы в сборнике «СВОи для своих». Любит проводить время с двумя правнучками, которых учит радоваться простым вещам и отстаивать свои границы.

Тайна старого портфеля

Передо мной лежит старый, потрёпанный школьный портфель, которому 85 лет, а то и больше, учитывая время его службы своему хозяину. Моё внимание он привлёк, ещё когда я жила в Москве у своих бабушки и дедушки.

Он лежал наверху шифоньера, до него трудно было дотянуться, но взгляд частенько падал на него. Хотелось узнать, что там лежит, что он скрывает. И я никогда не видела, чтобы его доставали. После смерти бабушки и дедушки этот портфель переехал вместе со мной к моим родителям, а после их ухода из жизни – ко мне. Так мне представилась возможность заглянуть внутрь и узнать тайну старого портфеля.

В портфеле хранились письма от всех троих сыновей бабушки – Володи, Павла и Петра. Вместе с письмами там был дневник Петра, фотографии, журнал «Уральский следопыт» 1965 года. Старший сын Володя учился в Свердловском индустриальном институте. Павел – в Киевском военном артиллерийском училище. Петя в то время был ещё учеником 9-го класса, но солдатские письма-треугольники были именно от него, потому что от старших сыновей письма приходили в конвертах. А Петя ушёл на фронт со школьной скамьи. В этих письмах была судьба троих сыновей, троих братьев.

Великая Отечественная война. О ней много написано. Бабушка долгое время считала погибшими всех троих сыно-

вей. После потери собственного сына-афганца Сергея мне стала близка её боль, её горе. Она, вероятно, чувствовала свою вину в том, что не смогла проводить самого младшего сына Петю на фронт. Мы, матери, когда что-то случается, начинаем искать свою вину в произошедшем. Она была в командировке. Все учащиеся 8–10-х классов г. Вологды в сентябре были отправлены на работу в колхоз. Вернулись они 22 сентября. И Петя сразу был вызван в горком комсомола и призван на фронт. Больше бабушка его не видела.

**Текст писем воспроизводится полностью
в соответствии с подлинными
документами. Начну историю по
старшинству – со старшего сына Володи.**

ПАМЯТЬ
НАРОДА
1941-1945

Альбом участника
Великой Отечественной войны

Никольский Владимир Петрович

Красноармеец

Альбом сформирован
на портале «Память народа»
www.pamyat-naroda.ru

В 1938 году он поступил в Свердловский индустриальный институт. 29 июня 1941 года ушёл добровольцем на фронт. Взвод пеших разведчиков. Воевал на смоленском направлении. Пропал без вести в декабре 1941 года. У него остались жена и маленький сын.

Вот первые строчки из его писем родителям: «Дело такое, мои дорогие: завтра еду в Москву, а потом на запад. По-другому говоря, ухожу в Красную Армию добровольцем по комсомольскому особому набору. Буду воевать за землю нашу, за жизнь за нашу хорошую, в особом комсомольском полку. Получилось хорошо, так именно, как я давно мечтал. Буду с пулемётом бить всех бандитов. До свидания, родные вы мои. Желаю вам доброго здоровья и счастливой жизни. Мама, не забывай Галину. Можешь её считать своей родственницей. Это одна моя просьба».

...«Дорогие мама и Георгий Семёнович (так звали отчима – *ред.*). Я уже писал коротко, что пошёл добровольцем в Красную Армию. Сейчас прохожу вместе со своими товарищами по институту (пошли и они добровольцами) коротенькую подготовку около Свердловска, и скоро наша часть будет на фронте. Вот и будут биться два брата за честь, за свободу, за уничтожение фашизма. Письмо кончаю в Москве, недавно приехали в Москву и сейчас продолжаем учение».

...«Так много впечатлений, что много даже не напишешь. Часть – нельзя, а часть – рано. Из Подольска уехали поездом.

Завтра будем на передовых позициях. А даже здесь чувствуется близость боёв: большое движение, рассказы фронтовиков и прочее».

И конечно, в письмах всех троих сыновей – огромная благодарность отцу за воспитание настоящих мужчин: ...«Родные мои! Очень рад вашему письму. Даже лучше стало, веселее. Желаю моим “пескам” (так шутливо сыновья обращались к родителям – *ред.*) лучшего самого, доброго здоровья. Дорогой Георгий Семёнович! Мне здорово пригодились навыки охоты, которые вы мне привили. Сколько километров проползли мы по-пластунски! Я жив, здоров. Мы вместе с товарищами из института, хорошие ребята. Я очень доволен, что попал в разведку. Работа опасная, но интересная. Я уже здесь всегда спрашиваю о Павлике. Нужно обязательно о нём узнать сейчас же, а потом всё затеряется. Одно меня волнует, мама, – это судьба моего сына и Галины в случае моей смерти. Ты совсем успокоила меня, я не знаю, как благодарить вас, мои родные. Я прочитал некоторые места вашего письма товарищам. Мы гордимся вами, и всех больше – я».

...«Здравствуй, дорогая мама, Георгий Семёнович, Петя. Вот уже больше полумесяца как я на фронте. Вместе с друзьями по институту воюем на Смоленском направлении. Наш взвод, за исключением 2 человек, состоит из студентов индустриального института. Все мы разведчики. Первые дни было трудно работать по ночам, а иногда и сутками, а сейчас мне кажется совсем обычным и нормальным, интересная и

сложная работа разведчиков. Очень беспокоюсь я за Галину с сыночком. Как они там? Одни ведь совсем. Да и вам, наверное, тревожно. Выздоровел ли Георгий Семёнович? Как давно я его не видел, особенно сейчас увидеть тянет их с Петей. Адрес: Действующая армия, 97-я почтово-полевая станция, 12 с. п. Взвод пеших разведчиков. До скорого свидания, дорогие. Желаю вам здоровья, хорошей работы в тылу. Ваш Володя. 20 августа 1941 года».

Это было последнее письмо. Смоленское сражение было одним из самых кровопролитных и напряжённых в 1941 году.

В сентябре 1941 года Володя пропал без вести. Бабушка писала во все инстанции, но безрезультатно.

Средний сын – Павел – в 1939 году поступил в Киевское артиллерийское училище.

ПАМЯТЬ
НАРОДА
1941-1945

Альбом участника
Великой Отечественной войны

Никольский Павел Петрович

Лейтенант

Альбом сформирован
на портале «Память народа»
www.pamyat-naroda.ru

В 1941 году учился на последнем курсе. Учился он с удовольствием. И это проходит по всем его письмам: «Жаль, что у Пети ухо болит, а то дул бы в военное артучилище – был бы человеком. “Быть командиром-артиллеристом – значит, быть всесторонне развитым человеком” (Ворошилов). И это именно так! Артиллерия – это сплошная математика, физика, химия, история и т. д. В общем, всё, что нужно для меткого, сокрушительного артиллерийского огня. Я работаю командиром отделения. Купил шпоры трёхгранные, никелированные, с малиновым звоном, теперь только сапоги нужны».

...«Здравствуйте, мои дорогие! 9 марта 1941 года. Тёплый пасмурный день, но, несмотря на это, чувствуется настоящая весна. Выходной день, после завтрака засел в классе и весь погрузился в книгу «Игра» Джека Лондона. Книга очень интересная – о жизни боксёров. Я всегда с большой радостью читаю ваши письма. Это напоминает мне о беззаботно проведённых днях, об охоте, которую я не забываю и не забуду никогда! Это лучший спорт, приучающий человека к выносливости, лишениям, стойкости, маскировке, а все эти качества нужны бойцу, а тем более командиру. Mamochka, обо мне беспокойся меньше всего, я обеспечен всем необходимым, кроме этого, я получаю 85 рублей стипендии, если её так можно назвать. Потерпите немного, в этом году обязательно буду дома, если всё будет хорошо. Насчёт моего здоровья будьте уверены – здоров как бык. Пусть Петя посмот-

рит моё ружьё, а то, наверное, поржавело».

...«Здравствуйте, мои дорогие! Получил вашу открытку и был огорчён болезнью Георгия Семёновича. Уж очень много он работает, так нельзя. Первым долгом прошу обо мне не беспокоиться. Я жив, абсолютно здоров, и случиться со мной ничего не может. Я учусь сейчас на втором курсе, переводные зачёты сдал лучше всех. Имею: один – “хорошо”, остальные – “отлично”. Вы, наверное, знаете, какие большие требования предъявляют сейчас к военному, а тем более на 2-м курсе – последнем. Этот курс – самый ответственный, и я стремлюсь захватить побольше знаний и хорошо усвоить преподаваемый материал. А артиллерия – это математика, требующая постоянной работы над собой, а главное – тренировки. Учусь, учусь, чтобы быть достойным командиром Красной Армии. Г. С. (Георгий Семёнович), приказываю не хворать! Как это можно хворать охотнику, а?! Вот я приеду через 1,5 года, тогда мы поохотимся по-настоящему».

...«Киев. Здравствуйте, мои дорогие! Зачёты сдал успешно. 10 декабря в Киеве выпал первый снег, и сразу вспомнились мне картины прошлого. Первая охота на зайца по пороше за Ижевским озером. Как сейчас помню, палили мы с Семёнычем здорово, но так отчаянно мазали, что не взяли ни одного зайца! Чувствую себя здоровым и бодрым, много занимаюсь гимнастикой. Пока до вас дойдёт письмо, подойдёт Новый год. Поэтому разрешите поздравить вас с Новым годом и пожелать вам многие годы счастливой трудовой

жизни! 31 декабря мне будет, если не ошибаюсь, 20 лет, по этому случаю выпьем с ребятами по бутылке сидра. Недавно получил письмо от Володи. Он пишет, что очень рад за меня, что я скоро буду лейтенантом, прислал фотографию с Галей. Георгий Семёнович! Прикажите Пете почистить хорошенько ружьё. Ни в коем случае не смазывать канал ствола щёлочью, от этого ствол моментально ржавеет! Нужно смазать густой нейтральной смазкой. У меня есть товарищ из Сибири, тоже отчаянный охотник, так что есть с кем поговорить».

И опять слова благодарности за привитые навыки в охоте: «Это вы, Г. С., привили мне любовь к природе, к охоте, и я вам за это очень благодарен. Нам часто приходится много ходить. И кто не привык к этому, то ногу натрёт, то ещё что-нибудь, а я дую свободно!»

А вот очень эмоциональное письмо: «Здравствуйте, мои дорогие! Вот уже месяц как мы в лагерях. Прекрасная украинская погода стоит у нас. В выходной день со своим комроты сядем на коней и дунем по необъятным украинским степям! По бокам лошади ласково шелестит высокая пшеница. Проехав рысью километра два, комроты даёт команду: “Галопом маааррш!” Трону слегка коня шпорами и, дав ему повод, чувствую, как свистит ветер в ушах, а рядом дышат кони товарищей. Эх! Здорово! Приезжаем немного усталыми, но весёлые и с большим аппетитом. Поужинав, идём на стадион, а там, как всегда, играют два “врага”: связисты и артиллеристы. И всегда артиллеристы побьют связистам целую

кучу. Вот Петя был бы, он, наверное, дал бы жизни насчёт футбола. Через два с половиной месяца буду учиться на втором и последнем курсе. Отпуска не будет. Но я думаю, что года через 3–4 увидимся. Вот это будет весело. Володя – инженер (с Галей), я – лейтенант, Петя – студент. Вот здорово! Крепко целую, Павлик».

Это письмо было написано в мае 1941 года: «Здравствуй-те, мои дорогие, и прощайте! Можете поздравить меня с окончанием училища отличником и с присвоением звания лейтенанта артиллерии. Я назначен на работу в Западный военный округ». Это было его последнее письмо.

После окончания второго курса Киевского артиллерийского училища приказом НКО № 00246 от 06.06.1941 ему было присвоено воинское звание лейтенанта, и он был назначен командиром взвода 117-го гаубичного артиллерийского полка Западного особого военного округа, отправлен в часть 15 июня 1941 года, за неделю до начала войны.

Про своего папу буду писать много, потому что всё, что связано с первыми днями войны, – до сих пор под разными грифами секретности. Нет и сведений о боевом пути многих полков, дивизий и даже армий. Так и в нашем случае. Откройте сайты «Память народа», «Дорога памяти» – ничего о боевом пути. Есть только сведения о поступлении папы на службу в 117-й гаубичный полк, и всё. Получив справки на свои запросы, поняла, что 117-й гаубичный полк входил в

состав 8-й стрелковой дивизии, дислоцировался в г. Ломжа на границе с Польшей и находился там с 22 июня по 4 июля 1941 года в составе 1-го стрелкового корпуса 10-й армии Западного особого военного округа. В справке Главного управления Министерства обороны указано, что других данных на Никольского П. П. не имеется. Я стала искать в интернете движение его полка, дивизии и в целом 10-й армии. Так я попыталась хоть как-то восстановить историю тех первых дней войны. Конечно, со временем будет открыто больше фактов о войне, особенно о её первых днях, но того, что случилось, уже не вернуть, историю не повернуть вспять.

22 июня 1941 года полк располагался на артиллерийском полигоне юго-восточнее города Ломжа, в Червоном Бору. Кстати, город Ломжа до 1939 года принадлежал Польше, как и Белостокская область. Но в 1939 году был подписан договор с Германией о ненападении на СССР, и территорию Польши частично разделили между СССР и Германией. Так Ломжа, Белосток и его область стали нашими территориями. Находится в 80 км от центра города Белосток и в 150 км от Варшавы. С этим неприметным городком связаны самые страшные первые минуты и дни грозного июня 1941-го, о которых официально долго старались не вспоминать.

117-й гаубичный артиллерийский полк. Период в составе действующей армии: 22.06.1941–19.09.1941.

Вышестоящие воинские части. 8-я стрелковая дивизия.

Период подчинения 22.06.1941–19.09.1941. Нет данных о точках боевых действий. 117-й гаубичный артиллерийский полк входил в состав 8-й стрелковой дивизии в период с 22 июня по 19 сентября 1941 года.

Некоторые факты о деятельности полка в первые дни войны:

- В первый день войны штаб дивизии попал под авиационную бомбардировку.
- 23 июня 1941 года дивизия удерживала фронт в районе Щучина.
- С 25 июня 1941 года дивизия осуществляла отход в направлении Белостока, так как попадала в окружение.
- В начале июля 1941 года дивизия была уничтожена в Белостокском котле, но отдельные группы продолжали неорганизованное сопротивление до конца июля.

Официально 8-я стрелковая дивизия (I формирования) и её 117-й гаубичный артиллерийский полк были расформированы. Вот туда и попал папа после окончания училища.

В первый день войны полк был поднят по тревоге и выступил к границе. После тяжёлого боя полк начал отступление под непрерывной бомбёжкой вражеской авиации. В ходе отступления личный состав полка частично погиб, частично попал в плен. Оставшиеся части дивизии выводились в другие места, чтобы привести себя в порядок. С 26 июня начал-

ся отход дивизии из полуокружения, в которое она попала близ Осовца. С 27 июня 1941 года в штабе фронта не было сведений не только о дивизии, но и о 10-й армии, в состав которой входила 8-я стрелковая дивизия. В начале июля дивизия была уничтожена в Белостокском котле. Подробности гибели 8-й Минской дивизии до сих пор неизвестны.

Это информация из документов нашей истории первых дней войны. И они полностью совпадают с рассказами моего папы. Оставшиеся в живых продвигались к Бресту. В результате сражения основные силы советского Западного фронта оказались в окружении и были разгромлены, большие части попали в плен. Среди них был мой папа. Он был контужен и взят в плен под Брестом.

За несколько дней до начала войны был приказ – «всю артиллерию отправить на артиллерийские стрельбы за несколько сот километров от линии фронта...» Думать об обеспечении горючим, снарядами, патронами начинают только в то время, когда патроны уже на исходе.

А вот сведения, которые я нашла в интернете о первых днях войны. И чем больше я в них погружалась, тем больше возникало вопросов: как это получилось, почему?

Как пишет Егоров Д. Н. в книге *«30 июня 1941. Разгром Западного фронта»*, этой армии «менее всех “повезло” в плане наличия о ней информации. Практически все части и соединения 10-й армии оказались в “Белостокском котле”

и были уничтожены. О многих эпизодах сражений армии в первые дни войны почти нет сведений, так как в живых почти никого не осталось. Дивизия 1-го стрелкового корпуса 10-й армии была поднята по тревоге после начала бомбардировки Осовца и в 11 часов утра приняла первый бой. К исходу дня части противника, прорвав оборону в полосе соседней 27-й стрелковой дивизии, начали обходить позиции советских воинов.

В результате сражения основные силы советского Западного фронта оказались в окружении и были разгромлены, большие части попали в плен. 28 июня немецкие войска взяли Минск. В районе Бреста советская армия подверглась удару 2-й танковой дивизии (генерал-полковник Гудерман). В течение короткого времени советские соединения, расположенные в Брестской крепости, были разгромлены. Уже в 7.00 22 июня 1941 года Брест был захвачен. 4 июля 1941 года командующий Западным фронтом генерал армии Д. Г. Павлов и другие генералы были арестованы и расстреляны. Командующий ВВС Западного особого военного округа генерал-майор авиации И. И. Копец, узнав о потерях ВВС округа в течение первого дня войны, после приземления застрелился у себя в кабинете. По нашим данным, было взято в плен 324 тысячи человек, и советское информбюро о сдаче Минска не сообщило».

Папа был контужен и попал в плен под Брестом. В плену

он пробыл с 1941 по 1945 год, после чего был отправлен в п. Елецкий Коми АССР. В те годы считали, что у нас пленных быть не должно. Работал папа начальником пожарной части до 1953 года. После освобождения прибыл в д. Абар Троицко-Печорского района Коми АССР. Позже переехал с семьёй в п. Мылва того же района, где и проживал до самой смерти – до февраля 2012 года. Умер, когда ему был 91 год.

В «Российской газете» 22 июня 2025 года была опубликована очень интересная статья о том дне – 22 июня 1941 года. По словам автора статьи, все чувствовали, что война будет, но не сейчас, и что Красная Армия успеет подготовиться и быстро разобьёт врага. И даже в ночь с 21 на 22 июня, когда всё уже было ясно и фашисты бомбили наши города, наша армия молчала. И через несколько дней наш фронт был наголову разбит немецкой группой армий «Север». Немецкая разведка хорошо подготовилась к вторжению. Ход начавшейся войны изменить, а тем более остановить, уже было нельзя. И действительно, рассвет с 21 на 22 июня 1941 года стал настоящим кровавым рассветом. И мой папа попал в это пекло в самые первые часы и дни войны. И они тесно переплетаются с судьбой моего папы, с тем, что он пережил и как встретил первые часы и дни войны. Бабушка постоянно подавала запросы, разыскивала Павла и долгое время считала его погибшим.

Пётр был младшим в семье.

ПАМЯТЬ
НАРОДА
1941-1945

Альбом участника
Великой Отечественной войны

Никольский Петр Петрович

Рядовой

Альбом сформирован
на портале «Память народа»
www.pamyat-naroda.ru

Запись из дневника Петра: «24 сентября 1941 года. Пришли из колхоза 22-го вечером благополучно».

Учащиеся 8–10-х классов всех школ г. Вологды в сентябре были отправлены на работу в колхоз и начинали учёбу только в октябре.

Дальше в записях: «На следующий день я был срочно вызван в горком ВЛКСМ и был сразу же направлен в поликлинику для прохождения врачебной и мандатной комиссии. Вскоре с исключительной быстротой я дошёл до мандатной комиссии, и там меня включили в состав специального комсомольского лыжного отряда и вручили бумажку, что должен явиться 24 сентября в полном сборе в горком ВЛКСМ. Вот это да! Такой быстрой мобилизации я никак не ожидал. Я неожиданно встаю на самостоятельный путь в 17 лет и 9 месяцев. Итак. Я отрываюсь от домашнего якоря и иду на фронт, т. е. я третий из семьи ухожу на поле брани. Ну что же, если такова наша судьба, так уж повоюем за родину! Сейчас время 15 минут девятого. Я собрался и готов идти в назначенный пункт сбора. Жалко то, что мама уехала в командировку и что мне не дали время попрощаться с товарищами. Ну ничего, ничего...»

Содержание писем тесно переплетается с историей всей страны в 1941 году. Вот исторические документы к записям в дневнике. К первым числам декабря 1941 года враг распо-

лагался в 25 км северо-западнее Москвы и пытался прорвать оборону наших войск в районе Лобни, Крюкова, Дедовска. Понимая, что военные действия могут принять затяжной характер и будут проходить в условиях зимы, часто в лесистой местности, ГКО (Комитет обороны) постановлением № 680 сс от 15.09.1941 принимает «Решение “об укомплектовании лыжных батальонов”». Председатель Государственного комитета обороны И. Сталин».

ГКО предложил сформировать запасные лыжные полки из юношей 1922–1923 г. р. В первую очередь принимались спортсмены, сибиряки-охотники, значкисты ГТО и крепкие ребята, умеющие ходить на лыжах, переносить ночные зимовки в морозных условиях, знавшие, как самостоятельно построить из веток деревьев в снегу для себя «лежище».

Петя обладал всеми качествами бойца. Он был членом футбольной команды г. Вологды, метким стрелком и выносливым парнем, занимался боксом. Дивизия была сформирована в июле 1941 года, на 15 августа 1941 года дислоцировалась в Архангельске. Первые письма Петра были из Архангельска, где мальчишек обучали стрельбе, рукопашному бою, ходьбе и боевым действиям на лыжах с полным вооружением. Когда его призвали, бабушка не могла его проводить, так как находилась в командировке.

Все письма датированы.

29 октября 1941 года: «Здравствуйте, дорогие мама и

Г. С. Вчера читал открытку, которую ты послала Геннадию, и удивляюсь, почему до сих пор не приходят письма ко мне. Ты писала, что послала и мне письмо, но я ничего не получал, а вам пишу уже третье или четвёртое. Вы там обижаетесь, что я мало пишу. Это верно, но у меня ведь очень мало свободного времени, да и писать-то не о чем. Жизнь в армии многому научила и научит. Это всё на пользу в дальнейшей самостоятельной жизни. Ну больше и чаще пишите мне о ваших делах. Ваш Петя».

5 ноября 1941 года: «Здравствуйте, дорогие мама и Г. С. Вчера получил ваше первое письмо, которому очень рад. Ты просишь объяснить, почему меня взяли одного из класса. Это очень просто. Ведь меня, как и других, взяли по специальному комсомольскому набору, начиная с 1923 года рождения, а у нас в классе комсомольцев с 1923 года – только двое или трое, ну вот и меня признали годным и послали на защиту страны. Тут нет ничего особенного, и никаких неправильных мыслей у тебя быть не должно».

23 ноября 1941 года: «Сегодня, вероятно, получу посылку, которую послал Г. С. Не знаю, что в посылке, но что бы там ни было, всё равно очень рад и прошу больше в посылке не посылать вещей до тех пор, пока я не попрошу, т. к. нас здесь снабжают тёплым бельём и одеждой хорошо. Сегодня нам выдали валенки и шапки-ушанки и т. д. Так что в

отношении одежды пока всё хорошо, и не беспокойтесь об этом. Ты, мама, береги своё здоровье и не думай так много о нас. Ведь наше дело, мужчин, – защищать с оружием в руках вашу жизнь и спокойствие. Г. С., к вам тоже относится: берегите своё здоровье, это главное для вас, “стариков”. О результатах вашего приёма в партию сообщите мне. Уже после войны соберёмся с Победой и поживём мы с вами, “пески” родные! Ваш Петя».

27 декабря 1941 года. Письмо перед отправкой на военную позицию: «Здравствуйте, мои дорогие, мама и Георгий Семёнович. Настал час расставания... Сегодня уезжаем на передовые позиции. Одели нас тепло и хорошо в целом, так что холода бояться в целом не придётся. Настроение у всех приподнятое в данный момент сбора. Вызвали к политруку. Оказалось, что он меня назначил комсоргом роты во время следования. Ну что же, нам не привыкать! Сообщаю, что еду уже не стрелком-лыжником, а миномётчиком. Да, уже миномётчиком успел стать за какие-нибудь 6 дней. В нашем взводе много фронтовиков-“старичков”. Вообще сегодня едем, по-видимому, к Вологде. Пока! Ждите писем. Скоро мне 18 лет. Ваш Петя».

Письмо от 6 января 1942 года: «Дорогие мои, сейчас я нахожусь недалеко от передовой линии Северного участка фронта. В общем, можно сказать, что уже начал воевать. Не

обижайтесь и не волнуйтесь, если буду писать редко. Сами понимаете, что тут не до писем. Всего хорошего. Будьте здоровы. Ваш Петя. Будьте спокойны».

15 февраля 1942 года: «В последний раз я писал, что жив и здоров и что нахожусь в 6-й роте 2-го батальона одного из полков, который действует на Карельском фронте. Теперь сообщаю, что нахожусь в том же полку в настоящее время, но только в роте автоматчиков при штабе полка. Сегодня у нас 15 февраля 1942 года, т. е. я уже полтора месяца на фронте. За это время я уже был и в наступлении, и в обороне, и в “отходе”. Эти полтора месяца послужили для меня большой школой жизни. В данный момент мы держим оборону. Сейчас моё местонахождение более или менее постоянное и мой адрес: “Действующая армия, полевая почта 938, с/л 993, рота автоматчиков”. На этот адрес я и попрошу вас писать письма. И можно посылку, и уже не с сухарями, а с портянками шерстяными и перочинным ножом. А также положите туда бумагу для письма, и если есть, то немного лёгкой пищи. Вообще у нас с питанием дело обстоит здесь неплохо. Я от вас давно не получал писем, так что постарайтесь ответить побыстрее и пошире. Интересно, что с братьями? И как живёте вы сами? Пока всё. С нетерпением жду ответа. Ваш Петя».

26 февраля 1942 года: «Пишу вам третье письмо с фронта. Одно из 4-й роты, другое – из роты автоматчиков, где

и продолжаю находиться в настоящее время и куда прошу вас направлять свои письма. Чего-либо существенного в моей жизни за время пребывания на фронте пока не произошло, поэтому и писать особенно нечего. За это время я был в обороне, наступлении и т. д. Много повидал и пережил, но остался жив и невредим. В настоящее время наш полк стоит в обороне, а я вместе со своей ротой нахожусь при штабе полка. Вообще живу хорошо, болезнями не страдаю и даже, как говорят товарищи, пополнил немного, ну а в остальном... “прекрасная маркиза, всё хорошо, всё хорошо”. Пишите как можно больше, а главное – быстрее. Очень интересно знать, что с Павликом, Володи́й, как живёте сами. Пишите, буду ждать. Ваш Петя».

7 марта 1942 года: «Сегодня ночью получил от вас сразу два письма. Этим письмам, конечно, был очень обрадован, ведь всё же ничего не получал от вас около пяти месяцев. Теперь, получив эти письма, я спокоен за вас, но по почерку, мама, я вижу, что ты волнуешься. Так что прошу тебя, поменьше страдай и беспокойся о нас, особенно обо мне. Всё же ведь излишнее беспокойство за нас треплет у тебя и так слабые нервы. Мама и Г. С., берегите своё здоровье, оно пригодится для дальнейшей совместной нашей жизни! Г. С., я очень рад, что вы уже кандидат ВКП(б)! Я при первой же возможности постараюсь сделать то же самое. За Павлика и Володю не беспокойтесь, ведь Западный фронт – фронт бес-

прерывного наступления, где трудно понять что-либо. Я нахожусь на Карельском фронте, точнее, около 200 км к северу от Петрозаводска. Погода здесь в настоящее время хорошая, весенняя».

17 марта 1942 года: «Мама, ты просишь написать поподробнее о моих товарищах, о делах, ребятах. Должен сказать, что товарищи у меня – все, т. е. наша рота (серьёзно)! Ребята хорошие, боевые и заботливые. Живём мы дружно, так что, если что случится в бою, уверен, что не оставят без помощи и поддержки. Наша рота небольшая, и мы все живём одной семьёй. О наших боевых делах говорить не приходится, т. к. это будет лишнее писать в письмах. Вот уж приеду, тогда расскажу обо всём пережитом. Я лично чувствую себя хорошо, здоров и бодр».

17 мая 1942 года: «Вот уже второй день мы находимся в обороне, а до этого все 18 дней, начиная с 27 апреля, вели непрерывные наступательные бои. Это тоже явилось задержкой для написания различных писем. Но за этот период в моей жизни произошли довольно крупные изменения. Во-первых, я как знающий танковый пулемётчик был приказом ком. полка из роты автоматчиков переведён в роту пулемётчиков в должности зам. политрука. Во-вторых, 14 мая с. г. я был принят полковым политбюро в кандидаты ВКП(б). И в-третьих, участвуя неоднократно в боях, я, как видите,

остаюсь живым. И только немного царапнула меня пулька в мае, но она никакого серьёзного значения не имеет».

8 июня 1942 года: «Здравствуй, дорогая мама! Чуть бы-ло не написал “дорогая мама и Г. С.”, но вспомнил, что ты осталась одна, и пришлось изменить приветствие. Я получил твоё письмо и не удивлён, что Георгий Семёнович призван в армию, так как у нас есть бойцы намного старше его. Я думаю, что Г. С. оставят где-нибудь в тыловой части, т. к. слышал, что “старичков” оставляют в тылу для охраны различных объектов. Впрочем, это не так важно. Ведь нужно кому-то уничтожить врага. Моя жизнь проходит вполне нормально. Мой политрук – настоящая душа, простой, заботливый и очень похож в своих действиях и поступках на Георгия Семёновича, так что, работая с ним вместе, я мало замечаю отсутствие отца. Он уроженец Вологодской области и много жил в Вологде, поэтому мы часто вспоминаем о Вологде. Я получил письмо от Аркадия, на которое никак не соберусь ответить, да и, по правде говоря, я долго не мог понять, кто прислал это письмо. И только с помощью т. Мани я определил, кто писал. Пока. До свидания. Будь здорова и не теряй надежду на то, что мы соберёмся снова в одну семью скоро!»

9 июля 1942 года: «Здравствуй, дорогая мама! Пишу это письмо из госпиталя. Как видишь, я был крепко ранен ещё 30 июня в бедровую часть ноги. Но не переживай, нога скоро

заживёт».

29 июля Петя умер от ран в госпитале.

В июне (согласно письму от 30 июня 1942 года) был ранен в бедровую часть ноги с сильным раздроблением. Как известно из письма медсестры, ногу ему в госпитале ампутировали. От ран Петя умер в госпитале и похоронен в г. Кемь (Карельский фронт). Медсестра, которая ухаживала за Петей в госпитале, писала, что ранение было тяжёлое и он не выдержал: «Я прошу вас, не расстраивайтесь. Ваш Петя героически сражался и погиб. Все наши братья, отцы и родные отомстят этому лютому фашистскому зверю за Петю».

Ответное письмо от бабушки политруку и бойцам: «Пишет вам мать, потерявшая любимого сына Никольского Петю. Это третий и последний сын, отдавший свою молодую жизнь за свою Родину и свой народ. Мне тяжело, это всякому понятно. Но я гордо держу голову и не склоняю её и не склоню. Провожая своих сыновей на защиту родины, я была уверена, что мои сыновья будут вести себя на поле брани как истинные сыны Родины, что моё воспитание в духе преданности, честности и правдивости не будет посрамлено перед Родиной и советским народом. Когда враг напал на нашу родину, вся моя семья поднялась на защиту отчизны. Сыновей я уже потеряла. Я прошу вас, дорогие товарищи,

за Никольского Петю, который любил свой полк, как родную семью, отомстите врагу! И чтобы вы его помнили, как бойца, честного, преданного делу Ленина – Сталина. Он был истинный комсомолец, а впоследствии кандидат ВКП(б). К вам обращается мать и просит сильнее громить проклятого врага, отомстить за слёзы матерей. Мы, женщины-матери, смотрим на вас, как на избавителей от наших страданий».

Так открылась тайна старого портфеля, открылась судьба троих братьев. Пока писала эту историю, не могла успокоиться: слёзы катились по щекам. По письмам я познакомилась с братьями моего папы. И теперь я точно знаю, что бабушка доставала этот портфель и перечитывала все письма (у многих писем уже нет конвертов), но делала она это тайком, чтобы никто не видел её слёз. Портфель прошёл уже три поколения – он хранился у бабушки, у папы и у меня. И я очень хочу, чтобы содержимое этого портфеля было сохранено и передано следующему поколению. И это теперь моя задача – сделать всё, что можно, чтобы сохранить письма, которые станут реликвией нашей семьи. Это судьба не только нашей страны. Это судьба моей семьи, судьба троих братьев. Старший пропал без вести, средний пробыл в плену, младший погиб в возрасте 18 лет. Вот такие следы Великой Отечественной войны у нас, как и у многих семей большой страны.

Смотрю на фотографии. Три брата – красавцы, высокие, спортивные, молодые, умные и грамотные, заботливые к родителям и друг к другу, к своим близким, что видно из их писем. В 1941 году им было всего 23, 21, а младшему ещё не исполнилось и 18 лет. День рождения у Павла и Петра был в один день – 31 декабря с разницей в три года (Павел – 1920 г. р., Пётр – 1923 г. р.). Вся жизнь у них была впереди. И они так верили, что скоро встретятся! Володя – инженер, Павел – лейтенант, а Петя – студент. Верили, что будет у них всё прекрасно, и опять будет их любимое занятие – охота. Но этого не случилось. И это страшно! Очень страшно! Как же тяжело было бабушке пережить это горе! Она как-то рассказала мне сон. Ей приснилось, что она ставила в печь выпекать три хлебца. Когда открыла печь, чтобы их достать, оказалось: первый и последний сгорели, остался только тот, что был в середине. Так в жизни и получилось: старший и младший не вернулись с фронта, в живых остался только мой папа – Павел.

Папа мало рассказывал о своей жизни. Но всегда вспоминал, что коня, который был у него в училище, звали Пленный. Я не знаю, что об этом сказать и как всё это могло так совпасть с произошедшим в его жизни. Времени прошло много. Некоторые письма читаются с трудом, и предстоит огромная работа по сохранению всех писем с фронта. И надо успеть всё сделать. Обязательно! И эту историю я напечатала, чтобы сохранить память о наших близких людях, чтобы

и следующие поколения могли с ними познакомиться.

Галина Белякова

Родилась 21 октября 1940 года. Поэт, прозаик, эссеист. Член СП России, Российского СП, СП Крыма, Интернационального СП. Принимает активное участие в коллективных сборниках Москвы, Московской области, Санкт-Петербурга, Крыма, литературного клуба «Творчество и потенциал» издательства «Четыре».

За популяризацию науки и культуры в мировом пространстве внесена в «бронзовый список» Международной академии наук и искусств (Москва). Номинант альманахов «Небывалому быть» (изд-во «Четыре», Санкт-Петербург), «Национальная книга» (ИД Максима Бурдина). Награды: диплом,

шорт-лист конкурса «Премия Н. А. Некрасова»; диплом премии юбилейного альманаха «Фитиль-60» (изд-во «Вагриус», Москва). На «Литрес» опубликована электронная книга автора «Листая летопись. 220 лет с незабвенным Пушкиным». У Галины Беяковой изданы 11 авторских книг (стихи и проза).

Дети войны. Эссе

Глава 1

Память — это великая вещь.

Надо делать всегда всё вовремя. Если что задумал — не откладывай в долгий ящик.

После подаренного мне фотоальбома «Летопись Красной Поляны» и книги «Лобня (природа, история, хозяйство)» Т. Роговой и П. Колычева (1994 г.) вторая книга Т. Роговой «Лобня» (2011 г.) показалась очень интересной. И я решила расширить своё знание истории создания Красной Поляны, которая под Москвой. Поляна стала микрорайоном (микро...) города Лобни, и стало за неё обидно, потому что пустошь «Поляна» была приобретена купцом первой гильдии Козьмой Крестовниковым. В 1814 году его сыновья Александр и Константин на приобретённой пустоши на реке Альба построили ткацкую раздаточную контору. С этого времени началась история сельца Поляна.

Козьма Крестовников и его сыновья были очень деятельными в общественных делах. В 1812 году они пожертвовали 50 000 рублей на Отечественную войну. Об этом записано на 128-й стене мраморной доски Храма Христа Спасителя в Москве. Вот такими предками, которые любили своё Отече-

ство, надо гордиться, как и мы, современники, любящие своих предков, отцов, родителей, гордимся ими и помним их!

Вот я и решила обратиться к старшим жителям Красной Поляны с просьбой пополнить свои воспоминания. Но оказалось, один умер, другой что-то помнит, что-то нет, только улыбается, если напомним какие-то отрывки из жизни. В. М. Чиркова (Комиссарова) работала в редакции газеты «Голос стахановца» с моим отцом, она-то мне и рассказывала многое. Но... кто бы тогда знал, что надо переспросить, записать на будущее? А теперь и этой улыбки бывает достаточно, чтобы подтвердить детское воспоминание о послевоенной жизни.

На Красной Поляне в клубе находились большая библиотека и типография, где редактором газеты «Голос стахановца» с 1939 по 1941 год работал Александр Викторович Маклаков. До войны он был учителем истории, проводил занятия, ликбез в ФЗУ с учениками и рабочими фабрики, завода. Когда я была ещё школьницей, мне хотелось заглянуть в яму после бомбёжки за клубом, где была типография, хотелось найти листочек от газеты, чтобы что-то напоминало об отце. Правда, нашла, но позже, в архиве государственной библиотеки, и не один листочек, а целую подборку 1939–1941 гг. Далее нашу мирную жизнь нарушила Великая Отечественная война. До 1942 года политрук А. В. Маклаков находился на службе в Ленинградском военно-политическом училище имени Ф. Энгельса (сейчас это Ленинградское Краснозна-

мённое военно-политическое училище РККА имени Ф. Энгельса). В 1942 году похоронен в городе Шуе Ивановской области (Книга Памяти). Вот поэтому и говорю: «Всё надо делать вовремя!»

Глава 2

И время наступило. Лучше поздно, чем никогда.

Начну с домов № 105 и № 106 на Красной Поляне, в которых жили мои детские и школьные друзья. Дом № 105 после войны долго стоял невосстановленным, вернее, одна сторона оставалась «памятником войны». Развалины дома позволяли ребятам по искорёженным взрывами лестницам взбираться до крыши, чтобы смотреть салют во время праздников. Дети долго ещё бегали по погорельщине, искали и находили всякую домашнюю утварь (чугунные сковородки, пельницы, кастрюли, уцелевшие настольные лампы) и несли мамам. Между сто пятым и сто шестым домами собирались ребята, играли в лапту, в штандер, в круговую (с мячом), в казаки-разбойники, в похищение флага, «свиньи, свиньи, все с поля домой!», в двенадцать палочек – это всё дворовые игры. Жизнь была тяжёлой, но интересной. С верой в быстрое восстановление жизни, с верой во что-то светлое, в завтрашний день наши мамы работали день и ночь, посменно. Под фабричный гудок на работу уходили, приходили. Если по гудку не успеешь прийти и опоздаешь на работу, нака-

зывали, даже тюрьмой – дисциплина была во всём. К этому гудку настолько привыкли, что, когда его отменили, стояла непонятная тишина. У мамы спросила: «Почему так странно сегодня?» Она ответила: «Гудок отменили!». Это было примерно в 1953–1954 гг.

За сто пятым домом через дорогу находилось женское общежитие, где всё время царило оживление. Вечерами были танцы – сначала под гармошку, под аккордеон, патефон, потом – под проигрыватель, который делали на электромеханическом заводе, что на Красной Поляне.

В общежитии в небольшом помещении радиолюбитель Перепонов развлекал детей, крутил киноленту, показывал детское кино, так как клуб ещё восстанавливали. Когда клуб открыли, жизнь пошла веселее, работали кружки. Новый год и взрослые, и дети встречали в клубе, приходили в карнавальных костюмах. Лучший костюм отмечали подарком на клубной сцене. Жизнь была неунывающей, скучать было некогда. В школе проходила вся детская жизнь, учились в две смены, после уроков оставались заниматься в кружках: гимнастический, хоровой, танцевальный. Выборы проводили в здании школы. Дети готовились к праздникам, украшали залы, классы – все с удовольствием приходили в школу, даже в свободное время от домашних дел, особенно под Новый год. Учителя занимались с детьми целый день. Теперь вспоминаешь своих любимых учителей и думаешь: когда же они успевали делать свои домашние дела? Своих детей учи-

теля брали с собой, когда отправлялись на прогулки в классный час (и это было). Дети старались дома помогать мамам, которые работали день и ночь, в три смены!

У детей была своя радость, когда приезжал, как мы называли, старьёвщик, собиравший вторсырьё (подвода с игрушками). Этот хозяин менял игрушки-свистульки, мячи на резиночках, какие-то картинки на старые вещи. Доходило даже до курьёза, когда дети брали из дома вещи без разрешения и меняли на полюбившуюся игрушку. Помню, мама вечером старших братьев ругала за менялки, не найдя дома нужной вещи.

По весне, когда за домами оттаивал снег, появлялись проталинки, девочки играли о стенку в мячик, а мальчишки – в копеечку или в жёстку. Это когда на кусок свинца прикрепляли круглый кусочек меха и стучали щиколоткой ноги, подбрасывая вверх и считая, кто сколько сможет ударить, не уронив. В то время в школу я ходила в белой шубке из кролика, и из-за этой игры от шубы оторвали кусок. Вечером мама стала меня ругать за то, что порвала шубу. Потом выяснили в школе, что вырвал клоч мальчик, который играл в жёстку, а шубка ему понравилась. Игры мальчиков были непредсказуемыми. В лесу они находили снаряды и патроны и бросали в костёр. В классе учились мальчишки – кто без глаза, кто без пальцев. Мой двоюродный брат Валентин Маклаков двенадцати лет вообще погиб. Да, развлечений хва-

тало. Летом купались в чистой водичке на речке Мещерихе. Чтобы научиться плавать, дети брали наволочки из дома потихоньку от мамы. Взмахом над головой наволочку наполняли воздухом и так учились плавать. Река Мещериха берёт начало из Круглого озера. Считается, что озёра Круглое, Долгое, Нерское – ледникового происхождения. Грязными их назвать было никак нельзя. Женщины на мостках полоскали бельё, на плоту за клубом.

Обязательно ходили в лес за ягодами, грибами по деревянной дороге. Так её мальчики называли, потому что её немцы сложили из толстых брёвен, и пролежала она от Цыганского пруда в сторону Поярково. Немцы пришли от села Мышецкое, а выйти хотели к Ленинградскому шоссе, но не успели.

Деревянная дорога (настил из брёвен) лежала долго. Только когда она стала подгнивать, сделали тропку по лесу. Сейчас, если присмотреться, там болотистое место, просека.

На стадионе всегда царило оживление. Для мальчиков любимый вид спорта – футбол да ещё коньки. На лыжах почему-то мало катались, только в школе на физкультуре. Праздники летом проводились на стадионе: на машине приезжал детский театр, всегда играл местный духовой оркестр из любителей-музыкантов, машина с детскими сладостями. Раздолье царило на стадионе для детей. Со стадиона возвращались только к вечеру домой довольными, хоть и уставшими. Дети

не унывали никогда, всегда находили причины порадоваться. Люди жили действительно с верой в будущее, были оптимистами, патриотами своей Родины.

Когда не было автобусов до станции, люди ходили пешком и не унывали. В армию провожали новобранцев, своих ребят с песнями до станции Лобня, к первому поезду. Сбор новобранцев был в г. Долгопрудном. В 1954–1956 гг. от Краснополянской хлопкопрядильной фабрики ходила дрезина по рельсам до станции Лобня. Если поздно вечером опаздывали на эту дрезину, приходилось до дома от станции бежать мимо тюрьмы (после войны она ещё существовала) и через Букинский лес, до железной дороги, ведущей к фабрике, к домам 104, 105, 106. Бежать бежали, хотя и было страшно, но домой ведь надо возвращаться. По «чёрным тарелкам» периодически передавали радиопредупреждение о том, что кто-то убежал из тюрьмы, чтобы жители были внимательны.

Тогда станция Лобня была окружена берёзовым и сосновым лесами. В 1955 году стал ездить автобус. Жизнь пошла ещё веселее. Дети выросли.

В праздники со всей Поляны в казармы приходили жители печь пироги, потому что там большие, мощные печи. Места хватало для всех противней местных и гостей. Женщины, пока пекутся пироги, вели жаркие беседы, а дети по коридорам бегали, играли. Девочки (а там жили очень бойкие) как начнут плясать «Елецкого» с частушками да хулиганскими, как взрослые, – это перепляс двоих, как «Семёновна». За-

помнилась одна частушка: «Мы, полянские девчоночки, нигде не пропадём: где картошечки подроем, где капусту украдём». Так и жили, жили по карточкам. В магазине чёрная, красная икра была даже, только карточки давай. Деньги трудящихся на облигации уходили, большая часть – на строительство социализма.

Глава 3

Сейчас, когда приезжаю на Красную Поляну, её трудно узнать. Клуб наконец-то привели в порядок, засыпали овраги, где ребята катались на санках с ледяной горки гурьбой. Каждый раз ищу и мысленно представляю свою школу (сейчас спортивный комплекс), дом, где жили учителя, старую начальную школу (четырёхлетку), через овраг – больница, роддом (где я родилась) – слава богу, на месте! В берёзовом лесочке около больницы было захоронение бойцов, земляков-партизан, кто сражался за Красную Поляну. И в день перезахоронения дети бегали смотреть, как всё было.

Общественный комитет Красной Поляны делает всё для дальнейшего процветания микрорайона. Владимир Владимирович Путин, наш уважаемый президент, всегда повторяет, отвечая на вопросы: «Как любили своих родителей и предков наших, так и будем их любить и почитать...»

Красная Поляна до войны была крупным областным центром. Осталось старейшее предприятие – Ордена Трудово-

го Красного знамени хлопкопрядильная Краснополянская фабрика. Через два дня после освобождения Красной Поляны в 1941 году в посёлок приезжали руководители области и наркомата текстильной промышленности для решения вопросов организации и проведения восстановительных работ. Существовал электротехнический завод. Но, как прежде, как район Поляну не пытались восстановить.

Память – это хорошая вещь!

Элегия

На Красной Поляне, где детство прошло,
Но память приходит – и вмиг, невзначай,
Разруха, казармы, где всё заодно,
Сравнила война, не узнать, где был рай.

Ах память! Ах память! Спасибо тебе,
Что помнишь сто пятый и стадион,
И речку Мещериху. Нет ворожбе,
Любви незатейливой, юной, простой,
На зорьке вечерней, где танцы, где Он.

Ах, юность! Ничто не пугало. Покой.
Могли в Шереметьево просто шагать
Тайком на танцульки и снова домой.
Ребята свои – не обидят девчат.

Ничего не боялись и даже тюрьмы,
Что около станции долго была.
Родители вечно – в напряге умы —
Так станция Лобня страшилкой слыла.

Сбежал арестант, не ходи по путям!
От фабрики – рельсы, темно впереди.
Но, к счастью, был поезд, все рады огням.
И вновь всё ж ходили, ведь путь был един.
И детство, и юность опять на пути!

Москва оживала и рада гостям,
Что с Красной Поляны. Москва на слуху.
Её защищали в смертельных боях,
Столицу, Россию и Родину-мать,
Герои Отчизны – её сыновья!

Глава 4. Рассказ очевидицы

Телефонный звонок оказался волшебным. С другой стороны провода послышался мягкий тихий голос.

– Здравствуйте, Галина Александровна! Вы даже и не догадаетесь, кто вам звонит. Я ваша двоюродная сестра. Моя мама – Татьяна Викторовна – сестра вашего отца, Александра Викторовича. Мы с вами не виделись, но о вашем существовании я знала. Я прочитала ваше стихотворение об

учителя в газете «Лобня» от 16–23 января 2009 года с вашей девичьей фамилией Маклакова и поняла тогда, что это вы. На Красной Поляне я жила до войны, потом семья уехала в г. Реутово. О Красной Поляне рассказать могу много. Когда мы с вами встретимся?

Этот звонок меня так ошеломил, обрадовал, что я с радостью согласилась встретиться со старшей сестрой. О её существовании я и не знала. Был назначен день. Народ говорит: «Не было бы счастья, да несчастье помогло». Я перефразирую немного: «Не было счастья, да радость помогла».

При встрече мы с Натальей Дмитриевной сразу обменялись сведениями о себе и родственниках, чтобы легче было узнать друг друга. Она родилась 22 августа в 1926 году, ей 82 года. Сейчас живёт вместе с сыном и невесткой в Москве, в Чертанове. Я слушала, смотрела на неё и думала: вот ведь как бывает на свете, столько лет прошло, а я узнала о ней только сейчас. Война всех разобщила, жили кто где. Наталья Дмитриевна в 1941 году было 15 лет. Она стала вспоминать, как встретилась с войной. Меня это заинтересовало, потому как учитель истории М. П. Базарнов рассказывал детям на уроке, что собирает материал о Красной Поляне и хочет послать его в райком, чтобы Красную Поляну переименовали в город Победу, ведь с Красной Поляны началось победоносное наступление на немцев на всех фронтах.

О первых днях пребывания немцев на Красной Поляне, о впечатлениях очевидицы Натальи Дмитриевны Денежкиной

я поделюсь с вами.

Рассказ от лица сестры. Итак.

«Со стороны села Мышецкое 26 ноября 1941 года немцы пришли тихо и спокойно на Красную Поляну, как к себе домой. В обыкновенный, рабочий день. Краснополянская прядильная фабрика не останавливалась, работницы не пропускали свои смены, всё шло своим чередом. Я с подругой Ниной Володиной гуляла около стадиона, и тут на дороге появились немцы с автоматами. В испуге мы побежали домой, чтобы сказать о случившемся. Все уже знали, весть быстро разлетелась. Жители второпях стали прятать домашние вещи и собирать необходимые, чтобы взять с собой. От артобстрелов ушли в подвалы казарм. Они были крепкие, большие. Хозяин Крестовников построил на века, будто бы предвидел. В подвале собралось много людей. Они сидели, стояли, уходить нельзя: место сразу занимал кто-то другой. Мама с младшим братом так всё время и сидела, после чего сильно болела до конца дней своих. Сырость, плохой воздух – всё это отразилось на здоровье. Туалет ведь тоже в помещении. Было что-то ужасное.

Без еды, без воздуха люди сидели десять дней, пока не прогнали немцев. Немцы расползались по домам очень быстро. На фабрике работники стали уходить через узкую вентиляционную трубу, которая выводила на Катюшинское по-

ле. Дежурный помогал и говорил, что идти надо так, чтобы ветер дул в спину. Вентиляционная труба очищала воздух в цехах. Мы с подругой не могли всё время сидеть, выходили на улицу, быстренько делали свои дела и прятались за дверь казармы. Увидели, как немецкие солдаты ведут наших пленных солдат. Они были все перевязанные, видно, находились в больнице, попытались скрыться, но не успели. У одного были костыли – отняли. Другому, со сломанной рукой, вернули руку так, что тот кричал от боли. Немцы толкали их в спину прикладом, увели куда-то. От увиденного я пришла в себя только в подвале, мне стало плохо.

В подвале была бойкая женщина, которая уговаривала нас уйти с кем-нибудь в другую деревню. Я тоже осмелилась пойти с ней. Но не тут-то было. За речкой из-за кустов вышли немецкие солдаты и показали, чтобы повернули обратно. Женщина не успокаивалась, объясняла, что надо идти, тогда на ломаном русском языке солдат сказал: «Иди, а то придут карательные отряды, они вам покажут! Иди обратно!» Так и возвратились. Мороз, холод. Немцы ходили по домам и уносили тёплые вещи. Один продовольственный магазин и тот был разорён. Дома стояли уже без стёкол (взрывом выбиты), снег лежал на полу. Будто жизнь остановилась, только слышны взрывы и гул самолётов.

Немцы то приходили в посёлок, то исчезали на время. И как-то раз, когда я с Ниной стояла у дверей, к нам подошли двое в белом и спросили: «Тихо у вас здесь?» Мы ответили,

что да. Они сказали, что они разведчики. Мы проводили их в подвал. Когда двое вошли в помещение, они сказали всем: «Здравствуйте, товарищи!» Молчок. Никто не произнёс ни словечка. Опять сказали: «Здравствуйте, товарищи!» Опять молчок. Тогда солдат наш снял белый капюшон, и все увидели красную звёздочку на шапке. Ой, что тут было! Радость, смех, плач, обнимали разведчиков и даже меня с подругой стали подбрасывать вверх, будто мы были победителями.

В подвале находился и младший мой брат. Мама попросила меня, чтобы я взяла валенки для брата у сапожника, которому накануне отдали их починить. Сапожник жил на ул. Ермолихе, и там уже находились немцы. Я не хотела, боялась идти. Мама сказала, чтобы я шла огородами, незаметно. Сапожник передал мне валенки и спросил: «Ты как сюда шла, огородами? Да? Иди по дороге, быстро, не оглядываясь, так будет лучше». Я отправилась по дороге. На дороге я увидела высокие, большие пушки, колёса – с мой рост. Одна пушка была под чехлом, другая открытая. Из-за неё вышел солдат, меня остановил. Он взял валенки и стал примерять к своей ноге, но увидел, что они маленькие, отдал мне. Я с испуга припустилась к своим. Мама и брат обрадовались, что я принесла валенки и что жива.

За водой ходили на речку, другой не было. И как-то в очередной раз попали под перестрелку, осколок железа попал в валенок и впился в ногу. К вечеру нога опухла, даже валенок не снимался. Мама испугалась и повела меня в боль-

ницу. В больнице хозяйничал немецкий врач. Он разрезал голенище валенка, промыл рану, забинтовал и с собой дал мазь, чтобы дома сама лечилась. Дома лечиться некогда, надо было искать тихонечко еду. Так и запустила рану, только потом знахарка своими народными средствами вылечила мою глубокую рану.

В день затишья от перестрелок мы переселились в свой дом, в погреб. Дома не было, сгорел. Когда мама обнаружила, что вещи, которые она спрятала под домом, пришли в ветхое состояние от воды, снега, холода, ей стало плохо. Она совсем разболелась: болели ноги, брюшина от подвальной сырости, плохого воздуха. Я как могла ей помогала: ходила за водой, за дровами. Однажды вышла на улицу, и сразу что-то осветило глаза. Мне показалось, что что-то попало в глаз. Потёрла, ещё раз взглянула на свет, опять кольнул свет яркостью. Тогда я потихонечку стала вглядываться в пространство, мне хотелось увидеть этот свет, что бил в глаза. Напротив была фабрика с высоченной трубой и громоотводом, и мне показалось, что из-за трубы видны два шара или две головы – то появлялись, то прятались. Я быстро вышла на дорогу, чтобы сказать кому-то, что я увидела. На моё счастье, стояли наши солдаты, я стала их трогать за рукав, чтобы они обратили на меня внимание. Один посмотрел и сказал: «Девочка, ну что ты трогаешь нас грязными руками, иди домой, не мешайся!» Чуть поодаль стоял военный в высокой папахе. Оглянулась на него, а он и спрашивает: «Что ты, девочка,

хочешь нам сказать? Что ты такая неумытая? Расскажи, что у тебя?» Я сказала, что на трубе кто-то есть. Он, видно, начальник, переспросил меня, где я стояла, как стояла, откуда бил свет. Всё рассказала, как было. Начальник в папаше повернулся к своим командирам и со страшной бранью сказал им: «Девчонка видит всё, а вы – ничего. Быстро ликвидировать корректировщика, тра-та-та-та», – и выругался. Опять повернулся ко мне, взял в ладонь снег и умыл меня. Я даже и не сопротивлялась, настолько было неожиданно. Потом достал из кармана носовой платок и вытер моё лицо. «А теперь скажи, как тебя зовут, где ты живёшь, и беги домой», – как-то ласково мне сказал.

Позже Нина Маклакова, моя двоюродная сестра, увидев меня, спросила:

– Где вы живёте, Наталья? В газете была маленькая статья про девочку, которая обнаружила шпионов на трубе, читала?

Я ответила, что во время войны всё потеряли: и дом, и вещи, вынуждены были уехать в г. Реутово. Там есть тоже ткацкая фабрика, где мама работала потом».

Наталья Дмитриевна вздохнула, помолчала немного и продолжила.

«Вот, теперь я поняла, какую страшную пушку видела, да ещё и первая. А начальник, про которого я рассказывала, был генерал Ф. Т. Ремизов.

В музей я поехать не могла из-за больных ног.

Красную Поляну освободили от немецких захватчиков 5 декабря 1941 года, в день сталинской Конституции. Этот день мне назвал сосед. Сказал: “Дочка, у нас сегодня большой, двойной праздник!” Я так и запомнила».

Наталья Дмитриевна и все дети войны в возрасте 12–15 лет работали на заводах, фабриках, помогая своим непосильным трудом как умели прийти к скорейшей победе. Моя двоюродная сестра Наталья окончила ТУ в Лианозово, работала на военном заводе в Мытищах. Она вытачивала детали для танка (валы, кольца, шестерни). За хорошую работу выдавали талоны на продукты, была большая помощь для семьи. Помогали пионеры, комсомолцы как могли.

Другая моя тётя, Юлия Михайловна Кузнецова, была эвакуирована вместе со всеми комсомольцами электромеханического завода с Красной Поляны в г. Челябинск, где работали на оборону страны день и ночь.

Такое было время – страшная война!

Мне вдвойне приятно писать о героических людях, которых я знаю и почитаю, тем более родных мне людях, живущих на моей маленькой родине, на Красной Поляне, где выросла Победа!

*Наталья Дмитриевна Денежкина, Галина Белякова
(Маклакова). 19 марта 2009 г.*

Глава 5

Всё делать надо вовремя.

Когда было опубликовано эссе о Красной Поляне, Натальи Дмитриевны уже не было, не дождалась она, а так ей хотелось увидеть эту историю и прочитав своими глазами.

Очень жаль, сестричка дорогая,
Встретились мы только лишь сейчас.
Почему всё так, не понимаю
Иль не знаю что-то, не сердчай!

Но я рада, рада бесконечно —
Старшая сестра есть у меня.
И душой сроднились мы навечно,
Ведь на то отцовская родня.

Говори, рассказывай, сестрица,
Как война двоюродных развела.
Разлучились семьи. Как водица,
Наша жизнь по-разному текла.

И зачем грустить, что это было?
Реки вспять, друг мой, не повернуть.
Но чего-то сердце заискрилось,
От тепла, наверно, не пойму.

Памяти Натальи

И как же прекрасны все встречи с Наташей,
Улыбка не сходит с лица!
За ней записать успеваю и даже
Запомнить рассказ про отца.

Я вспомнила время короткого мига,
Счастливое – мне на года.
Не могут родные быть встречи безлики:
В них память, любовь, благодать.

12.2009 г.

1941–1945 гг. Великая Отечественная война. Разруха. Нищета. Постепенное восстановление народного хозяйства, но не на Красной Поляне, которая была сильно разрушена. Эта была последняя точка, последний рубеж перед Москвой, за который ухватилась и жестоко сражалась немецкая армия. Во всех берлинских газетах писали про Красную Поляну, где шли жесточайшие бои, деревни переходили из рук в руки. 8 декабря 1941 года освободили наши войска Красную Поляну и без передышки гнали немца до Берлина.

На рассвете

В тучной дымке полнолуние
Растворилось на рассвете.
Новый день пришёл к полудню
С торжеством, с прекрасной вестью.
День свободный от сражений,
От захватчиков и горя.
И не будет унижений
От фашистского измора.
Рождена я на Поляне,
Не на Лобне современной.
Может, жили здесь древляне,
Я останусь откровенной —
С Красной связаны Победы!
В тучной дымке полнолуние
Растворилось на рассвете,
Так за что же от бездумья
Красной нет? И нет ответа.
Нет причин, чтоб растворилась,
Как луна, моя Поляна.
Даже сон, что говорил мне,
Будет поздно или рано —
Будет Красная Поляна!

06.12.2017

Грачи к нам прилетели

Памяти учителя истории М. П. Базарнова

Михаил Прокофьевич собирал материалы об истории Красной Поляны. Хотел, чтобы назвали Красную Поляну – Победа. В 1958 году его хоронили всей школой, дети шли до кладбища, кольцом взявшись за руки.

Приятно земляка услышать,
Поэта с лирикой другой.
Не так, как женщина напишет
С её причудливой душой.

Он славит Красную Поляну,
И Лобню, и Цыганский пруд.
И неподатливы изъяну
Его стихи и тяжкий труд.

Приятно вспомнить вместе детство
В родных местах, где мы росли.
От памяти куда же деться?
Тогда мы жили как могли.

Гудок фабричный неба своды
Протяжным гулом содрогал,
И все спешили на работу,

Таков рабочий был накал.

Мне вспоминается сто пятый
Разрушенный и сто шестой.
Дома пожарами объаты
В военный сорок первый год.

На пепелище шли босые,
Искали что-нибудь, что есть,
Иль вещи, всё равно какие,
Ведь до войны мы жили здесь.

Послевоенные ребята
Не унывали никогда.
Росли ребята, как опята,
И промышляли до утра.

Потом мне вспомнилась и школа.
Как шла в кирзовых сапогах
По вспаханному полю, что ли?
И грязь сплошная на ногах.

А рядом были сад и ясли,
Тропинка виделась слегка,
Но почему-то ноги вязли,
И я лишалась сапога.

«Увяз сапог твой безвозвратно», —
Стоял в ушах какой-то шум.

Кирзовый мне достался брата
От старшего и к малышу.

В одном кирзовом, вся в запарке,
Была я словно арестант.
Давно сидели все за партой,
Писал мой третий класс диктант.

Диктант «Грачи к нам прилетели»
В тот день должны были писать.
Ребята перьями скрипели,
Когда пыталась в дверь стучать.

Босою, грязною дурнушкой
Вошла я в класс, а за окном
Весна и солнце, как подружки,
«Не плачь!» – шептали мне одно.

«Не плачь, – шептала жизнь на ушко, —
Не плачь, когда не превозмочь
Беду. А выжить чтоб, терпенье нужно,
Терпенье, память день и ночь».

В пятидесятом, помню, было
Перезахоронение.
Тот день и час я не забыла
Печали и волнения.

В больничный лес краснополянский

С уроков на раскопки вмиг
Ребята убежали, ясно,
Тогда-то в школу слух проник.

Родные, взрослые рыдали,
Горели свечи в упокой.
На месте дети изучали
Урок истории живой.

На лошадях и в день погожий
В могилу братскую одну
Везли останки под рогожей
Бойцов, погибших за страну.

Здесь был рубеж Краснополянский,
Отсюда фрица гнали прочь
Из Подмосковья. Мчались танки,
«Катюша» била во всю мощь.

Молчаньем дети проводили
Подводы с жертвами войны.
Вернулись в класс и не шутили —
Уроки страшные даны.

Грачи вернулись к нам на радость,
И на дворе опять весна.
Что было – в памяти осталось,
И не забудется война.

16.04.2007

Вениамин Бычковский

Родился в 1953 году. Живёт в Беларуси. Член Союза писателей Беларуси, Общества любителей русской словесности имени Л. Толстого. Лауреат конкурса «Золотое перо Руси», дипломант Международного конкурса имени А. Платонова, победитель Всероссийского конкурса «Герои Великой Победы», обладатель второй премии Международного Тютчевского конкурса и Московской литературной премии. Награждён медалями имени Адама Мицкевича и имени Владимира Набокова.

Издан сборник стихов и четыре сборника рассказов. Пуб-

ликовался в журналах России и Беларуси.

Как краевед изучает прошлое Полесья: создал два музея, построил Часовню-памятник в память безвинно убиенных жителей четырёх деревень Полесья. Награждён Православной медалью и медалью «За личный вклад в сохранение памятников военной истории».

Смотри в глаза

(по воспоминаниям бывшего узника концлагеря В. Г. Калиниченко¹)

Владимир Григорьевич и в семьдесят пять лет был ещё в силах покопаться в земле. Он сидел на скамеечке среди весенних грядок, сидел почти недвижно, и только руки копошились в грядках. Кисти его рук выглядели костлявыми, и пальцы, казалось, уже не гнулись, но стоило им коснуться земли, они сразу оживали и могли выполнить любую работу. Вот и сейчас он сидел, погружённый в свои мысли, а руки ловко пропалывали молодую клубнику. Можно было только удивляться, с какой ловкостью и быстротой его пальцы удаляли из земли поросль сорной травы. Зато мысли Владимира Григорьевича были так глубоки и тяжелы, что их из головы не вырвешь. А он хотел бы выдрать весь сорняк войны...

Лагерь не отпускал, настигал и во сне, и за работой. Владимир Григорьевич вспоминал концлагерь «Сан-Пёльт» в Австрии и себя, десятилетнего, когда его сделали «лошададой», чтобы развозил на тележке грузы.

– Ты есть животный... Ми запрягать – ти бегать. Бистро, бистро! – кричал Володе немецкий офицер.

¹ Владимир Григорьевич Калиниченко – детский поэт, проживал в г. Енакиеве (ДНР), умер в 2018 году.

В другое время он должен был работать в теплице, где помощник коменданта выращивал виргинский табак. Володя, у которого от природы были тонкие длинные пальцы, лучше других полол прихотливые растения. Три года его заставляли полоть, запрягали в тележку... А однажды чуть до смерти не забили его за то, что он нечаянно повредил куст...

Владимир Григорьевич бросил в сторонку пучок выдранной травы, затем встал, чтобы переставить скамейку. И только он присел за работу, как услышал голос внука:

– Привет, дед! Тебе помочь?

– Нет, Сашка. Земля – это моё лекарство! А для тебя приготовил другую работу.

Дед вышел из грядок и направился навстречу внуку.

– А ты как добрался? До автобуса ещё часа два.

– Я на попутке, какой-то дачник подвёз, – ответил Сашка и забрал скамейку из рук деда.

– Иди в дом, обрадуй бабулю, – сказал дед и пошёл следом за внуком.

Когда дед вошёл в дом, хозяйка уже накрывала на стол и между делом говорила с внуком:

– Сашка, а родители знают, что ты у нас?

– Они и предложили мне проведать вас, вот и гостинцы передали.

Сашка вынул из рюкзака пакеты и, достав коробочку, добавил:

– А это лекарство для деда. Как принимать, мама написа-

ла.

– Небось дорогое?

– Ну о чём ты говоришь, бабуля!..

– А надолго приехал?

– Нет, на пару дней.

– Всего-то?

– Может, после экзаменов ещё приеду. А пока не получается, сдаю зачёты, – отвечал Сашка, присаживаясь к столу. – Всё же выпускной класс. И к поступлению надо готовиться.

– А институт выбрал? – вступил в разговор дед, усаживаясь рядом с внуком.

– Готовлюсь в медицинский. А если не вытяну, то в университет на биофак.

– Что это за биофак? – разливая чай, спросила хозяйка.

– Биофак – это биологический факультет.

– А биологический – что такое?

– Ну ты, бабуля, даёшь! – заулыбался внук. – Это наука о живой природе.

– Вот это хорошо! Природа – это очень хорошо! – сделала вывод хозяйка, уже сидя за столом. – Давайте перекусим.

После чая Сашка спросил у деда:

– Дед, а какая работа для меня?

– Прошлогодние листья надо попалить, и с дровами поможешь. Но работа завтра, а сегодня отдыхай, – ответил дед и направился к своей кровати. Потом остановился, повернул-

ся к кухне и обратился к хозяйке:

– И ты, Аня, отдохнула бы...

– Что ты, Володя! Мне и в магазин надо сходить...

– Давай я сбегаяю в магазин, – предложил Сашка.

– Нет, я уже собралась. Да и сестру хотела навестить, – ответила хозяйка.

– Тогда я на рыбалку схожу, – сказал Сашка и пошёл переодеваться.

Пока Сашка переодевался и копался в кладовой, хозяйка ушла в магазин, а дед сидел на кровати и не знал, чем занять себя: то ли телевизор посмотреть, то ли подремать немного. Дед решил прилечь. Пока он устраивался на кровати, Сашка выглянул из кладовой и спросил:

– Дед, а где больше червей?

– Копай за сараем, – ответил дед, поворачиваясь на спину.

Он лёжа смотрел в потолок, и потолок, казалось, покачивался...

Покачивался, как в поезде, как в лагере, от истощения...

Дед вспоминал день второго рождения в конце апреля 1945 года, когда десант советских войск освободил концлагерь. Из глубины памяти всплывало лицо солдата, который на руках вынес его из фашистских застенков. Володя схватил его за шею, прижался и заплакал.

– Ты поплачь, поплачь. Легче станет... – сказал солдат.

И в вагон его внесли на руках – весил не больше пуда,

когда эшелоном отправляли домой на Украину. В дороге он ел и спал, ел и спал...

Скрипнула дверь, и дед проснулся. В дверях стоял довольный Сашка:

– Я столько червей накопал, что вернусь с рыбалки только к вечеру. Пока, дедуля!

– Пока, пока, – сонно ответил дед и опять стал погружаться в сон.

Закрылись глаза, и он опять оказался в лагере. Видел лица пьяных немецких офицеров, решивших позабавиться и на травить на него огромного дога – любимца начальника лагеря. Собака в один прыжок оказалась рядом. И тут он словно услышал голос с небес: «Не двигайся, смотри ей в глаза». Собака замешкалась, потом обнюхала его и с достоинством отошла в сторону. Хозяин был взбешён: собака лишила зрелища. Нетвёрдой рукой он достал пистолет и прицелился. Собака мгновенно всё поняла и бросилась на хозяина. Пуля настигла собаку в прыжке. Уже раненая, она всё же успела вцепиться в плечо начальника лагеря.

«И как я выжил? Помощник коменданта спас. Ему было жаль терять меня как ценного работника... А дога четвертовали...»

Сквозь сон дед слышал собачий лай и тут же проснул-

ся. Лай не прекращался и слышался где-то поблизости. Дед вспомнил про внука и поднялся с постели. Что-то тревожно было на сердце. И лай доносился с той же стороны, куда ушёл Сашка. Дед наспех надел домашние тапки, вышел из дома и сразу всё понял. Сердце не обмануло: у дороги на Сашку кидалась огромная псина, а внук, размахивая удочкой, отступал к соседнему забору. Дед побежал в их сторону. Он бежал и кричал:

– Сашка! Сашка, остановись и смотри ей в глаза! Смотри ей в глаза!

Сашка оглянулся на деда и в замешательстве остановился, не зная, что же делать. Остановилась и собака, которая продолжала лаять, но уже не кидалась на Сашку.

А дед всё бежал и кричал:

– Не двигайся, смотри ей в глаза! Смотри ей в глаза!

Дед быстро приближался, а собака нехотя отступала и рычала на Сашку. А потом развернулась и побежала за деревню.

– Не укусила? – ещё не отдышавшись, взволнованно спросил дед.

– Штанину только порвала и царапнула зубами... Да несильно, не переживай... – ответил Сашка, с трудом приходя в себя от страха.

– Всё равно надо обработать царапины... Пошли, пока бабули нет, помажем зелёной, – уже спокойнее говорил дед. Но по его рукам, а они дрожали, было видно, что он пережил.

И пока они шли к дому, дед рассказал Сашке свою историю про дога в концлагере. А в конце добавил:

— Запомни, Сашка, любой напасти смотри в глаза, не отворачивайся... А собаку в концлагере я вспоминаю как человека. Единственного человека среди фашистских собак.

Огромные силы уже на протяжении 80 лет пытаются вбить в головы всего мира, что Холокост Второй мировой войны не более чем пропаганда еврейской политики. А недавно в Англии было удалено упоминание о Холокосте из школьных программ под предлогом, что это оскорбляет мусульманское население, которое утверждает, что этой катастрофы никогда не было. Это грозное предвестие того ужаса, который постепенно овладевает миром, устрашающее свидетельство той лёгкости, с которой страны сдаются перед ним. Теперь, как никогда, ввиду усилий многих стран, объявляющих Холокост мифом, крайне необходимо сделать всё, чтобы мир никогда не забыл об этом.

Стон местечка

Так и остались бы Телеханы глухой деревенькой среди леса и болот, если бы не энергичный польский гетман Михаил Казимеж Огинский, который затеял грандиозное дело – соединить Балтийское и Чёрное моря. В 1767 году начали строить, и через пятнадцать лет уже поплыли корабли по каналу, прорытому между речками Щара и Ясельда. 53-километровый водный путь начинался с севера в районе нынешнего города Барановичи и заканчивался на юге в районе Пинска. Стали сплавливать основное богатство – лес – и на север, и на юг Европы. Одновременно построили и тракт, связавший Телеханы со Слонимом, Пинском, Волынью.

Телеханы стали местом притяжения предприимчивых людей. Сюда потянулись как купцы и промышленники, так и рабочий люд – поляки, литовцы, местные полешуки (жители Полесья). И, конечно, польские и литовские евреи в поисках лучшей доли.

При гетмане построили стекольный завод, ткацкую фабрику, а затем и фаянсовую. По каналу шли суда, привозили и увозили товары, росло число торговцев и ремесленников, в том числе и еврейских. С отменой крепостного права еврейские ростовщики и торговцы расширили сферу своих операций и до крестьян окрестных деревень.

К началу XX века евреи составляли большую часть насе-

ления Телехан. Действовали три синагоги, хедеры, еврейская школа. Для православных была церковь, для католиков – костёл. Всё как положено в благоверном местечке.

Удар немцев 22 июня 1941 года застал врасплох Красную армию. Сопротивление её было неорганизованным, отступление – разрозненным, эвакуация населения из прифронтовой полосы – панической. Противоречивые сообщения и слухи сбили с толку местных жителей, и немногие успели уехать на восток.

Скоро в местечко вошли немцы. Первое же распоряжение немецкого коменданта касалось только евреев: они должны были «на правой стороне груди и на левом плече носить жёлтую шестиконечную звезду». Встречая немца, они должны были сойти с тротуара на проезжую часть, снять головной убор и поклониться. За невыполнение – расстрел.

Затем немцы создали «чёрную полицию», названную так по цвету обмундирования. Призванная якобы поддерживать порядок, эта жестокая банда из местной шпаны и уголовников, стремясь выслужиться перед гестапо, во всём подражала его методам, да к тому же с особым садизмом. Из воспоминаний жителей: «Однажды полицейай ударил проходившую мимо еврейку и упавшую, в крови, заставил слизывать пыль с сапога. А затем застрелил её».

Немцы, издеваясь, часто заставляли евреев выполнять совершенно бессмысленные тяжёлые работы. Например, могли отдать приказ покрыть слоем крупного песка дорогу к жан-

дармерии. В изготовленные большие ящики, наполненные до краёв, впрягали четырёх евреев, при этом за каждое падение или замедление полицейские избивали рабочих трубами и палками. Некоторые падали замертво.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.